

Я. Корнаи

ПОДВОДЯ ИТОГИ

С момента созыва нового парламента Венгрии едва ли прошло восемь месяцев, но за это время слова и действия партии и нового правительства буквально перевернули с ног на голову всю политическую жизнь, функционирование государства и экономики. Мы не перестаем поражаться: не успели люди отойти от вчерашней системы политических ценностей, как нам уже объявляют о новой. В такой ситуации довольно сложно до конца уяснить смысл происходящих событий. Поэтому очень важны общий обзор и краткое описание того этапа развития страны, который начался после прихода к власти правительства весной 2010 г.

Демократия

В период между 1989–1990 гг. и летом 2010 г. Венгрия была демократическим государством. Теперь это время прошло, и современную политическую формацию можно назвать автократией.

Данное заявление обретает полноценный смысл, только если вкратце описать, что я имею в виду под словом «демократия», тем более что этот термин толкуется по-разному. В рамках официальной идеологии восточноевропейский вариант социалистической системы трактовался как «народная демократия», а «буржуазная» западная демократия провозглашалась «фальшивкой». Современные правящие круги заявляют, что их тип правления представляет собой истинное воплощение демократии.

Однако мое толкование термина базируется не на заявлениях или амбициях («дайте власть народу»), а на наблюдениях за практикой. Возьмем несколько стран, обычно называемых «демократически развитыми»,

Янош Корнаи – профессор Гарвардского университета, Коллежум Будапешт и Центрально-Европейского университета (г. Будапешт).

Данный материал, представленный в редакцию автором на английском языке, впервые опубликован в газете Népszabadság (6.01.2011).

включая страны Западной Европы и Северной Америки, Австралию, Новую Зеландию и Японию. Каковы общие особенности, фактически проявляющиеся в них? Вопрос не в том, отражены ли они в Конституции или основаны на традициях и историческом прошлом. Значение имеет практическое применение этих особенностей в отдельно взятом демократическом обществе, к которым можно отнести:

- строгое разделение властных полномочий;
- решение некоторых важных задач правительства органами, не зависящими от него;
- четкая граница, разделяющая довольно малочисленную группу политических назначенцев от большой группы государственных чиновников и служащих, работа которых не зависит от политических изменений и не прерывается ими;
- принцип «сдержек и противовесов». Не допускается долгосрочное превалирование никакой ветви власти или государственной организации, поскольку оно пресекается другими структурами и организациями;
- расширенные предварительные дебаты, предшествующие вступлению в силу постановлений парламента, за которыми следуют доскопальные и, следовательно, требующие времени слушания по каждому рассматриваемому им вопросу. В некоторых странах процесс предварительных переговоров контролируется законом, однако демократическая политическая культура представляет собой более мощную силу, нежели буква закона при применении требований предварительных обсуждений, переговоров, а также тщательных и ответственных парламентских дискуссий.

Практически невероятно, что демократии уже нанесены глубокие раны, и сколько важных достижений последних 20 лет дискредитировано правительством В. Орбана и партией ФИДЕС.

Все решается на «центральном поле власти». Практика широких общественных слушаний и переговоров перед принятием нового законодательства прекратилась. Парламент превратился в машину для голосования, с невероятной скоростью «штампующую», как на конвейере, законы.

Пост главы государства в Венгрии – президента республики – больше не занимает личность, стоящая над партиями и олицетворяющая единство нации, а на все готовая и послушно приверженная власти. Ключевую должность генерального прокурора занимает проверенный сторонник правящей партии. Государственная избирательная комиссия, в задачу которой входил надзор за проведением выборов, до истечения срока полномочий заменена новой комиссией, практически полностью состоящей из сторонников ФИДЕС. Полномочия Конституционного суда, основного гаранта конституционных прав и оплота судебной независимости, были грубо урезаны, что стало само по себе мощным ударом по принципу «сдержек и противовесов».

Когда независимый Налогово-бюджетный совет осмелился подвергнуть критике планы правительства, он был распущен. На должность главы Государственной ревизионной палаты назначен не независимый эксперт-профессионал, а преданный член правящей политической группировки. В то же время право назначения применялось, когда речь шла о должности президента и двух вице-президентов Антимонопольного управления.

При смене правительства естественно появление новых лиц на ведущих государственных должностях, которые ранее, как правило, занимали политические назначенцы. Фактически имела место тщательная политическая чистка, так что принципы действующей государственной службы, относительно независимой от политики, были отвергнуты. Теперь по новому закону стало возможным без объяснения причин увольнять правительственных чиновников и служащих в центре или на местах. Служащие госаппарата существуют в атмосфере страха и подострастия из-за угрожающих заявлений, которые делают ведущие политики.

Конечное испытание демократии – процедура, следующая за отставкой правящего лица, группы или партии. основополагающий критерий демократии – отсутствие насилия: «тиранов» физически не уничтожают, не происходит военных переворотов, не создается никаких тайных обществ заговорщиков, отсутствуют демонстрации разъяренных толп народа, требующих отставки правителей, и не нужны кровавые выступления или революции. Передача власти осуществляется мирным и цивилизованным путем через выборы между соперничающими партиями. Как и в других испытаниях, результаты определяются только после состоявшегося события. Исходя из опыта, можно утверждать, что политическая структура Венгрии прошла испытание смены власти между 1990 г. и выборами 2010 г., поскольку электорат республики отправил в отставку несколько кабинетов министров и в ходе выборов, прошедших без нарушений, передал полномочия новому.

Следует отметить, что это не обязательно влечет за собой автоматическую смену политического курса. Дело не в том, меняется что-либо с каждым выбором или нет, а в том, возможна ли отставка вообще. Действующие политические лидеры «забаррикадировались», не оставив шанса на их смещение? Такие случаи не ограничиваются тоталитарными режимами, например, нацистской или коммунистической диктатурами. Они также имеют место в условиях автократии, как при режиме Хорти в Венгрии в межвоенные годы. В тот продолжительный исторический период созывались регулярные парламентские сессии, когда на выборах выступало несколько легальных оппозиционных партий; при этом государственная и политическая сферы были достаточно организованы, чтобы защитить автоматический успех правящей политической группы на каждом выборе в период правления Хорти. Политическое устройство гарантировало незыблемость правящей власти.

Было бы слишком несвоевременно (и слишком обескураживающе) утверждать, что в современной Венгрии происходит именно это, даже если бы ФИДЕС в очередной раз победила на следующих выборах. Говорить о результатах окончательного испытания процедуры сменяемости стало бы возможным только по прошествии длительного исторического периода. Сегодня же стоит напомнить, что еще до выборов В. Орбан заявил: политическую ситуацию следует организовать таким образом, чтобы она обеспечила его партии власть на ближайшие 15–20 лет. Захватив власть в свои руки, они сделали определенные необратимые шаги для реализации данного плана. Упразднены или серьезно ослаблены институты, обеспечивающие соблюдение принципа сменяемости. Правда, за данный короткий период не использованы все имевшиеся возможности, хотя они им хорошо известны: манипулирование избирательной географией; предложение законов о выборах, снижающих шансы соперничающих партий; предоставление права голоса венграм, проживающим за рубежом, и т.д.

Свободная пресса

В системе «сдержек и противовесов» независимой и свободной прессе уделяется особое внимание. Прессу часто называют четвертой ветвью демократической власти, помимо законодательной, исполнительной и судебной. Она призвана обеспечить обстановку, в которой правительство не чувствовало бы вседозволенность, имея неограниченную и неконтролируемую власть. Свободная пресса может вскрыть злоупотребления властей предрержащих и заглядывать в закулисы политических сцен. Если политические заявления вводят общество в заблуждение или по важным фактам не делается никаких заявлений, тогда свободная пресса может обнародовать правду.

Новые правовые положения о СМИ, например, институциональная реорганизация их полномочий и принятие закона о СМИ ведут к централизации в сфере массмедиа и политических коммуникаций, что сравнимо только с пропагандистской машиной коммунистической диктатуры. Глава органа, курирующего СМИ, имеет право на принятие постановлений, а сам орган – на взимание штрафов. Он призван контролировать не только государственные, но и частные массмедиа: ТВ, радио, печатную прессу, интернет-порталы и блоги. Данный орган, состоящий из членов ФИДЕС, регулирует распределение частот теле- и радиовещания; при этом отказ в приеме заявки автоматически означает окончание деятельности теле- или радиокomпании-заявителя. Владельцы частных СМИ вынуждены воздерживаться от критики правительства не только из-за возможного отказа в продлении лицензии на вещание или наложения «неподъемных» штрафов, но и из-за последующего отказа им в размещении рекламы компаниями, близкими к «центральному кормилу власти».

Война за свободную прессу еще далека от окончания, но первый бой правительство В. Орбана уже выиграло. Даже если новые правила еще не вступили в силу, простая возможность такого поворота событий устрашает. Безусловно, найдутся храбрецы (они уже нашлись), которые героически подвергают себя риску. Однако есть все причины опасаться того, что горстка владельцев СМИ, редакторов и журналистов – готовых в любых условиях критиковать действия правительства – предпочтет «выбирать выражения» или просто молчать под воздействием самоцензуры. Программы общественного телевидения и радио уже искажаются: некоторые важные новости («неудобные» для власти) просто не передаются либо представляются как незначительные, а оппозиционные мнения осеиваются предвзято. И это только начало, поскольку новый руководитель Управления по делам СМИ Венгрии и его аппарат еще не приступили к открытому противостоянию.

Правовое положение

ФИДЕС получила власть законным путем, и большинство ее действий законодательно оправданны. Поэтому, в узком смысле слова, в *законности* не стоит сомневаться. Но если действующий закон работает, правительство его видоизменяет. При желании сделать исключение в пользу отдельного лица или группы, закон «перекраивают» для обеспечения данной привилегии. Если лоббируемый властью закон вступает в противоречие с Конституцией, то вносятся соответствующие поправки (как уже делалось не менее десяти раз). Если же на их пути стоит Конституция с множеством импровизированных поправок, то они ее отменяют и навязывают стране новую. До сего времени имели место несколько случаев хитроумного отказа исполнения закона, например, принятие постановления по предложению члена парламента о легальном обходе необходимых переговорных процессов. Более того, по действительно важным вопросам они откровенно пренебрегают нормами Венгрии и Европейского союза, Конституцией и основными требованиями правового устройства. В одном беспрецедентном случае закон, имеющий обратную силу и отмененный Конституционным судом, был повторно введен в действие путем ограничения полномочий указанного суда.

Принцип правового устройства – это широкая и сложная концепция, трудно поддающаяся определению с математической точностью. Этот принцип предполагает уважение к Конституции и законам, даже если они приведены в действие не теми, кто в настоящий момент находится у власти. Правовое устройство предполагает юридическую безопасность, гарантирующую гражданам их права, которые будут стабильными и долгосрочными и не подлежащими урезанию по воле или желанию тех, кто принимает политические решения.

Используя термин «правовое устройство» в таком широком смысле, мне не хотелось бы «растекаться мыслию по древу», говоря о том, что Венгрия больше не правовое государство. За последние несколько месяцев были уничтожены важные юридические гарантии, включая, прежде всего, грубое вмешательство в дела Конституционного суда. Новая политическая власть попыталась открыто воздействовать на обвинителей или вызывать судей на заседания парламента. Несмотря на это, мы, к счастью, не можем утверждать, что имели место нарушения независимости судей или что политически выдержанные судебные вердикты на самом деле были продиктованы давлением со стороны неких групп политиков. В ближайшие годы практика покажет степень независимости судей: будет она объективно иметь место или же ее искоренят и сделают чистой формальностью. Останется озабоченность будущей деятельностью полиции и прокуратуры в системе расследований и обвинений по делам, связанным с политикой. Данная обеспокоенность оправдана несколькими более ранними случаями рассмотрения дел: многие факты могут замалчиваться, если они «неприятны» правительству, или рассматриваться предвзято, когда подозреваемые – оппоненты властей предерживаются. Время покажет, а мы будем надеяться, чтобы эта обеспокоенность оказалась несостоятельной.

Капитализм

В Венгрии превалирует капиталистическая система хозяйствования. Я убежден, что при правительстве В. Орбана все останется на своих местах и переживет нынешний политический режим. Капитализм – слишком крепкая и устойчивая экономическая система.

Исторический пример социализма доказывает, что каким бы прочным ни был капитализм, его вполне можно уничтожить в стране или группе стран и заменить другой жизнеспособной системой. Однако добиться этого можно только при наличии железной воли, уничтожении частной собственности и замене ее везде (или почти везде) государственной; упразднении рыночной координации (или ее фрагментарном сохранении) путем замены бюрократической координацией в каждом экономическом секторе. Находящиеся у власти так не сделали, и тенденций к тому, что они сделают это в будущем, не наблюдается. Даже при наличии сходства между большевистской партией и нынешней правительственной группой по стилю правления очевидно, что ФИДЕС – это не марксистско-ленинская партия. Она не добивается цели радикального уничтожения капиталистических отношений.

Люди часто питают неоправданные иллюзии по поводу капиталистической системы. Нередко считается, что само ее существование гарантирует эффективное распределение и использование ресурсов. Дело, разумеется, не в этом. Несмотря на то, что некоторые капиталистические

экономики функционируют весьма эффективно, другим приходится преодолевать массу сложностей и трений.

Далекий от идеи полного искоренения капитализма режим В. Орбана связан с ним множеством «нитей», пользуется помощью как некоторых олигархов большого бизнеса, так и многих мелких предпринимателей. Режим готов обменять политико-экономическую поддержку на экономико-политическую. Одновременно нападки режима на экономику «подбрасывают песок» в механизмы экономической системы. Антикапиталистические лозунги в обществе, конечно, наносят вред экономике, но никакие слова не сравнятся с предпринимаемыми действиями. Экономическая политика последних восьми месяцев снизила эффективность венгерского капитализма, ослабила его и уменьшила шансы на развитие.

В социалистической системе управление централизовано в силу наличия госсобственности и доминирования бюрократической координации. Однако дело не в том, что система может прогрессировать только с помощью волюнтаризма, заблуждения о том, что диктатор и его клика могут добиться чего-либо только одним желанием это заполучить. Аналогичный волюнтаризм очевиден в действиях правительства В. Орбана. Впрочем, несмотря на то, что они могут расширить сферу вмешательства государства и попытаться более агрессивно участвовать в экономических процессах, мы по-прежнему живем в *капиталистической экономике*. Рыночные правила – в действии. Экономические агенты в Венгрии и за рубежом функционируют по своему усмотрению. Продавцов и поставщиков услуг нельзя насильно заставить работать, так же как и финансовых инвесторов нельзя вынудить покупать государственные облигации или создавать реальный капитал. Даже самое агрессивное правительство не может очень долго навязывать волю экономике. И чем более недобросовестно любое правительство делает это, тем больше будет возникать нежелательных реакций, тем активнее сопротивление и тем больше урон развитию экономики.

Частная собственность

Вся структура капиталистической системы основана на частной собственности. Если рассматривать реальные исторические факты, а не теоретические модели, то станет понятно, что она никогда не была исключительной ни в одной капиталистической экономике. В разных ее типах частная собственность *доминировала и уважалась ею*: это должно сохраняться при регулировании и субъективных оценках общественного мнения. То, что недавно произошло в Венгрии с частными пенсионными фондами, серьезно подрывает доверие к уважению правительством частной собственности. Доверие сохранилось бы, если пенсионная реформа привела бы к управлению накопленными богат-

ствами по мере сокращения частной собственности, к росту сбережений, управляемых государством, при условии, что перемены были бы основаны на принципе добровольного выбора. Это имело бы смысл при соблюдении следующих условий: столкновение активных служащих с альтернативой, включая возврат от частной к общественной пенсионной схеме; изменение собственной свободной воли, исходя из информации, оценивающей преимущества и недостатки; наличие достаточного времени на раздумья.

Однако происходит совсем иное: смутные и размытые обещания вместо предоставления адекватной информации, отчаянная суматоха вместо достаточного количества времени на размышления, а также угрозы и суровая дискриминация вместо свободного выбора. Те, кто остался верен частным пенсионным фондам, частично или целиком теряют свое право на государственную пенсию (коэффициент потерь зависит от целого ряда факторов). В водовороте противоречивых официальных заявлений, а также сомнительной или откровенно ложной информации, например, участников частных пенсионных фондов вынуждают в смятении принимать радикальные решения, которые существенно повлияют на их финансовое состояние в пожилом возрасте.

Вся эта процедура воскрешает печальные воспоминания о старших поколениях с известным историческим опытом. Развитие сельскохозяйственных кооперативов неплохо сочетается с капитализмом до тех пор, пока существуют фермеры, полностью контролирующие частную собственность и *готовые* к сотрудничеству. Данный принцип срабатывает, даже если кооперативное владение отличается от частного. Однако целью желающих конфисковать земли венгерских фермеров и вынудить их вступить в кооперативы в 50–60-х годах прошлого века, было радикальное искоренение капитализма в сельской местности. Тех, кто был увлечен фантазиями и внедрил современную пенсионную реформу, нельзя упрекнуть в желании искоренения капитализма. Хотя, то, что они сделали, серьезно подрывает его принципы, и все эти действия недалеки от грубой конфискации.

Рост и развитие

Экономическая политика, заявленная ФИДЕС и правительством, делает упор на непрерывный экономический рост. Вряд ли найдется экономист, который не согласится с тем, что он служит ключевым фактором процветания и развития общества. Тем не менее пути роста могут иметь различное происхождение, у каждого из них есть свойственные ему характеристики, что признает любой экономист. При этом существует общее мнение, что правительство может задействовать различные методы для стимулирования роста, каждый из которых будет иметь разный выход и разные побочные эффекты. Вопрос о том, *заслуживает* ли этот

показатель статуса основного в экономической политике, на данный момент не обсуждается. Реальная проблема заключается в том, какой тип роста продвигать и какими способами.

Аналитикам было бы проще, если они могли бы четко видеть, что правительство реально намерено делать сегодня, в следующем году, в последующие годы или через 15–20 лет – на срок, который они сами себе запланировали. Устные заявления и декларации полны пустословия, странных обещаний без конечных сроков исполнения и противоречивых идей. Еще более опасно то, что в их первом, основанном на реальных цифрах, «заявлении о намерениях» по госбюджету 2011 г. не указано четких планов правительства. Поэтому из речей ведущих политиков или проекта госбюджета на 2011 г. нельзя внятно уяснить курс экономической политики. По окончании абсолютно профессиональных дебатов, внимательной оценки кратко- и долгосрочных воздействий и сравнения альтернативных решений практических шагов сделано не было. Концепция экономической политики создавалась на угнетающе низком уровне профессионализма. Поскольку внятного плана, который должен быть представлен на последовательный и интеллектуально выдержанный анализ, не оказалось, я вынужден задать несколько вопросов и опровергнуть ряд дезориентирующих заявлений.

Во-первых, когда обсуждалась данная тема, мы слышали только одно заявление: налоги будут снижены, и *это* даст толчок к росту. Однако многие исследования, в которых делались попытки прояснить случайную связь между снижением налогов и ростом, разумеется, не пришли к однозначным результатам. Мы не знаем точно, какой прирост ВВП даст сокращение налогов на 1 млн форинтов, либо когда это случится после такой задержки. Но этот миллион, несомненно, будет вычтен из прибыли государственного бюджета, и дефицит придется выравнивать либо сокращением затрат (посредством жестких мер экономии, несмотря на повторяющиеся обещания об обратном), либо займами (что в этом случае произойдет с сокращением государственной задолженности – еще одним громким обещанием?). Таким образом, *общее* снижение налогов малореалистично. На самом деле, это вопрос перераспределения налогов. При отсутствии тщательных расчетов мы не знаем ответа на него.

Даже если результатом некоторого снижения налогового бремени станет повышение общего спроса, что увеличит объем выпуска продукции, не увеличатся ли издержки, обусловленные долгосрочным ростом при перераспределении налогов? Действительно, сектор домашних хозяйств (особенно зажиточных) будет платить меньше налогов, однако коммерческим секторам, пораженным «кризисными налогами» придется платить больше. Впрочем, последствия этим не исчерпываются, но затронут другие регионы. Секторы, пораженные кризисным налогом, перенесут большую часть бремени на заказчиков: компании и домашние

хозяйства. Их прибыль может заметно сократиться, вызвав тем самым неблагоприятную реакцию, поскольку это основной источник капиталовложений.

Непропорционально высокое налоговое бремя серьезно повлияет на кратко-, средне- и долгосрочные аспекты коммерческой политики в некоторых ключевых отраслях финансового, производственного и торгового секторов. Капиталистическая экономика не может работать и развиваться при отсутствии гибкой активной и эффективной кредитной системы. Неприемлемо высокие налоги банковского сектора, установленные для прикрытия отдельных налогоплательщиков, не отразятся на «богатых банкирах», но замедлят активное экономическое движение. Не стоит прислушиваться только к жалобам банковского сообщества. Мы также должны замечать то, что ежедневно происходит в финансовом секторе: там уже началось ограничение кредитования, несмотря на то, что потребность в нем растет как никогда. Все секторы, вовлеченные в уплату кризисного налога, ограничивают инвестиционную деятельность и в конечном счете это положит конец продолжающемуся росту.

Хочет ли правительство, чтобы производительность труда повышалась максимально быстро и чтобы в нашей стране процветал технический прогресс? Или, может быть, оно намерено поддерживать или восстанавливать рабочие места, которые иначе будут закрыты вследствие международной или внутренней конкуренции? Какова основная цель – быстрый рост *занятости* или рост *производства, производительности и конкурентоспособности*? Думаю, что некоторые ведущие политики и те, кто отстаивают их позиции в журналистском сообществе, не осознают, что в определенной степени эти цели противоречивы; нельзя считать, что «занятость», «рост» и «развитие» – синонимы.

Получат ли мелкие, средние предприятия и группы производителей конкурентное преимущество? Возможно, да, но тогда другие производители останутся в убытке. Кому как не венгерским олигархам, близким к правящим кругам, будет отдано предпочтение, а не их конкурентам? Проще ли компании, «близкой» к правительству, получить государственный заказ, нежели любой «удаленной» компании? Должна ли конкуренция продолжаться строго на равных условиях?

Экономическая история неоднократно демонстрировала, что маленькие страны неспособны к быстрому и продолжительному росту, если они ориентированы на решение внутренних проблем, если они пытаются достичь роста путем искусственного ускорения внутреннего спроса. Действительно ли нынешнее правительство готово отказаться от проверенной и прочной политики роста *за счет экспорта*? Более ли выгодно государству экономическая политика поддержки устойчивого роста, если не «замыливать» идею преимущественной адаптации к международному разделению труда с одновременным озвучиванием националистических лозунгов?

Некоторые аналогичные вопросы могут относиться и к *финансовым ресурсам роста*. Следует ли придерживаться экономической политики национального изоляционизма и самодостаточности для нахождения ресурсов? Хотят ли стоящие у власти добиться быстрого роста с помощью *такой* политики? Не будучи преимущественной, она может проводиться в стране, где высоки ставки накоплений и население не потребляет большую долю производимой им прибавочной стоимости. Однако государственный изоляционизм – это не более чем яркий и пустой лозунг, если экономика полностью *зависит* от импорта капитала. Четко видны расхождения между тремя требованиями: низкий уровень накоплений (т.е. постоянный уход от ответственности за будущее людей); необходимость крупных капиталовложений для быстрого экономического роста и технического прогресса; исключение международного капитала. Эти требования противоречивы не только эмпирически, но и логически. Что политики хотят на самом деле, а что – лишь пустые слова?

Должны ли венгерские коммерческие связи получать приоритет по сравнению с международными? Должны ли у венгерских банков быть преимущества перед иностранными? В настоящее время нагнетаются оппозиционные настроения к «мультинационалам». Но следует ли предоставить право крупнейшему венгерскому банку и мегакорпорации венгерского энергетического сектора самим стать мультинационалами, вывозящими за рубеж и инвестирующими часть прибыли, полученной в Венгрии?

Во-вторых, правящая группа хочет роста в рамках современной капиталистической системы, так почему же выражение «игра на фондовой бирже» приобретает оттенок чего-то неприличного? «Частные пенсионные фонды использовали средства участников для игры на фондовой бирже», – говорит представитель госструктур, как будто инвестиции в акции и облигации, продаваемые на фондовой бирже, – не нормальная, рекомендованная и до определенной степени обязательная деятельность каждого сберегательного учреждения. Политики говорят так, как будто инвестиции в фондовую биржу напоминают действия беспечного отца, проигрывающего семейные деньги на скачках, или барона, ставящего на кон фамильное имение при игре в казино. Может ли существовать капитализм без фондовой биржи или других организаций гибкого фондового рынка? Если компания не способна привлекать капитал выпуском акций, то как иначе она это сделает? Только через банковские ссуды? Или придется запрашивать государственные субсидии?

Извлекает ли государство максимум пользы из возможностей членства Венгрии в Евросоюзе для преимущественно структурной трансформации страны при его финансовой поддержке? Или цель состоит в максимальном отстранении от практической поддержки ЕС? Почему продолжают конфликты с различными его организациями вме-

сто того, чтобы прислушаться к их советам и делать выводы из критики и предупреждений в сдержанном дипломатическом стиле?

Творцы современной венгерской экономической политики любят называть себя «кейнсианцами», но их действия, более точно называются «вульгарным кейнсианством». Создается впечатление, что они наповину переварили теорию великого британского экономиста, полностью игнорируя обширные, десятилетиями продолжавшиеся дебаты представителей разных школ макроэкономики. Экономическая политика, развитая Дж. Кейнсом, безусловно, включает в себя рекомендацию о том, что экономическому росту следует дать толчок, особенно необходимый во времена спада и депрессии, заключающийся в увеличении денежных расходов. Данная мысль включает в себя идею, многократно подчеркивавшуюся критиками Дж. Кейнса и основанную на некоторых болезненных исторических событиях, – что долгосрочная финансовая накачка несет в себе опасность инфляции. Отпустить же инфляцию в обмен на рост промышленного производства – слишком высокая цена.

Впрочем, Дж. Кейнс подчеркивает значение не только увеличения спроса с помощью финансовых методов, но и оптимизма, духа инвестирования и предпринимательской экспансии по мере того, как механизм восстановления, за которым следует продолжительный рост, продолжает оставаться (это высказывание Дж. Кейнса очень часто цитируется) *животным инстинктом*, мотивирующим инвесторов. Но эта оптимистическая атмосфера и дух инвестирования не стимулированы, а, наоборот, подавлены непредсказуемым нарушением принципа частной собственности, наложением на нее повышенного налога и начавшимися против него протестами.

Я говорю о настроениях не только иностранных, но и венгерских инвесторов. Богатый налогоплательщик, которому есть, что заплатить после взыскания по единой ставке подоходного налога, несколько раз подумает, прежде чем инвестировать этот капитал в фондовый рынок Венгрии (например, «поиграв с ним на фондовой бирже»), покупать ее государственные облигации и таким образом поддержать финансируемые государством инвестиции, вместо того, чтобы покупать иностранные ценные бумаги, вкладывать их в иностранный банк или тратить на внутреннее потребление. Каждая венгерская компания будет заинтересована в том, чтобы определить, сколько следует потратить на самофинансирование, а сколько отложить на дивиденды. Чем менее предсказуема экономическая политика страны и чем больший урон нанесен частной собственности, тем меньшего *внутреннего* инвестиционного развития следует ожидать.

Экономисты широко обсуждали связь между устойчивостью денег, бюджетным балансом, балансом притока и оттока иностранных ресурсов, стабильностью покупательной способности, суммой приемлемого государственного долга, уровнем удовлетворительных резервов ино-

странной валюты, с одной стороны, и темпами экономического роста – с другой. В настоящее время обсуждения стали более жаркими, поскольку каждая страна ищет способы преодоления кризиса. При этом широкий консенсус был достигнут в следующем отношении: *устойчивый рост* подвергается серьезной опасности при наличии серьезных проблем с *финансовым равновесием* экономики. Те, кто серьезно занимается данной темой, не могут довольствоваться повторяющимися заявлениями правительства о том, что бюджетный дефицит не превысит верхний предел, заложенный на 2010 и 2011 гг.

Это необходимое, но недостаточное условие для финансовой стабильности, особенно для такой чувствительной экономики, как венгерская. Обещанию об устойчивом росте можно будет поверить, если правительство четко заявит о том, какую экономическую политику оно станет проводить для поддержания финансового равновесия в широком смысле после 2011 г. К сожалению, методы, которые предполагается использовать для достижения планового показателя дефицита текущего и следующего годов, угрожают вскрыть еще более широкое расхождение между государственными доходами и последующими расходами, на фоне того, как по другим аспектам финансового равновесия проявляются иные проблемы.

Распределение

В ходе выборной кампании ФИДЕС обещала избегать мер жесткой финансовой политики. С тех пор официальная пропагандистская машина попыталась создать впечатление, что это обещание сдержано и что никаких ограничений не было и не будет в будущем.

Однако это всего лишь игра слов, умелое использование размытой концепции «ограничения». Скажем проще: более ранние решения и объявленные планы правительства фактически принесут некоторым людям конкретные потери в нынешнем и будущем реальном потреблении, уменьшат их благосостояние, размеры накоплений и увеличат долг. Перераспределение происходит постоянно, вызывая смену групп победителей и проигравших и изменяя размер и состав их прибылей и убытков. Те, кто понесли убытки или понесет их в будущем, действительно были «ограничены», и к этой группе принадлежит достаточно большое количество людей.

Перечислю только тех, чьи убытки вполне определены, хотя их также могут понести и другие. И, разумеется, есть лица или семьи, чьи многочисленные убытки подпадают под несколько перечисленных далее групп потерпевших:

- люди с низкими или средними доходами, точнее, с доходами только от трудовой деятельности, зарабатывающие больше минимальной зарплаты, но меньше 293 450 форинтов в месяц (1,1 тыс. евро, или

1,4 тыс. долл.), без детей-иждивенцев. Их чистый номинальный доход будет уменьшаться из-за изменений в налогообложении и политики регулирования доходов;

- люди, взявшие кредиты в иностранной валюте, поскольку их долг будет расти из-за ослабления обменного курса форинта. Доказана четкая причинно-следственная связь между безответственными заявлениями ведущих политиков, объявленной экономической политикой правительства и неясностями с бюджетом на период с 2011 г. и т.д., с одной стороны, и ослаблением форинта – с другой;

- владельцы домашних хозяйств, на которых отразится повышение цены на газ. Ни один экономист не сможет противостоять этому повышению и длительным задержкам платежей. Вполне одиозно сначала обещать обратное, а потом нарушать данное обещание, даже не признав того, что оно было безответственным и невыполнимым;

- производители, среди которых окажутся мелкие и средние компании, не экспортирующие продукцию, но использующие импортные материалы и компоненты, поскольку затраты на производство вырастут, а продажи заметно сократятся из-за понижения обменного курса;

- служащие, уволенные с государственных постов без объяснения причин в процессе сокращений и реструктуризации;

- работники, уволенные из тех отраслей промышленности, на которых отразились «кризисные налоги». Такие отрасли пытаются компенсировать расходы путем реструктуризации и рационализации, что означает сокращение штатов и увеличение рабочей нагрузки на оставшихся;

- безработные, не находящие нового места из-за вялого инвестиционного климата;

- имеющие накопления в частных пенсионных фондах. Реальные богатства попросту конфискуются, и вкладчики становятся участниками государственной пенсионной системы, получая ничем не подкрепленные обещания пенсий в отдаленном будущем;

- продавцы недвижимости. При рыночном спаде активы продолжают терять стоимость по мере того, как правительство искусственно наращивает гражданское строительство на деньги налогоплательщиков во время очевидного избыточного предложения. Потеря стоимости усиливает проблемы заемщиков кредитов в иностранной валюте на покупку или строительство недвижимости;

- потребители, на которых приходится значительная часть «кризисного налога». Данное налоговое бремя будет передано дальше по цепочке поставщиком (или продавцом) открыто или завуалировано, независимо от того, запретит это правительство или нет;

- большая доля служащих. В настоящее время проводятся переговоры о заработной плате. В некоторых сферах договоренности о номинальном уровне зарплаты (сформированном так, что реальные зарплаты будут заморожены) увязаны с официальными прогнозами инфляции.

Если темпы инфляции окажутся выше, то уровень реальной зарплаты снизится;

- потребители, пострадавшие от роста темпов инфляции. Более определенные заявления о влиянии экономической политики правительства В. Орбана на потребительские цены будут сделаны только в конце 2011 г. На нынешнем этапе можно рассматривать лишь общие последствия инфляции: ослабление национальной валюты; растущие процентные ставки по кредитам и используемые для финансирования бюджетного дефицита и государственного долга; увеличение налогового бремени в ключевых отраслях экономики. Инфляция – это пошлина, которую платят все, но сильнее всего она отражается на беднейших слоях населения. Экономическая политика правительства указывает на рост, а не снижение инфляции. Финансовая политика Центрального банка, направленная на устранение такой опасности, сталкивается с ответными атаками со стороны государства.

Происходящее в *политической* сфере резюмировать просто. Уничтожено несколько важных фундаментальных институтов демократии. Венгрия превратилась в автократическое государство. Венгерский политический режим начинает угрожающе напоминать «путинский». Направление изменений ясно: они достаточно глубокие, чтобы быть необратимыми (если сохранить оптимизм – «почти необратимыми») и (почти) гарантируют долговременное правление группы, получившей власть.

То, что происходит в *экономике*, трудно описать кратко, потому что она полна взаимопротиворечащих действий, нормативных актов, не поддающихся исполнению, и тенденций, которым невозможно следовать. В новых правилах нет четкого направления. Будем надеяться, что капитализм – достаточно устойчивая система, чтобы пережить несостоятельную экономическую политику.

В политической сфере цель Макиавелли (захват власти и ее долгосрочное удержание) была достигнута *мастерски*. План был четким и определенным. Любые препятствия устранялись незамедлительно и без колебаний.

Что касается экономики, мне не удалось до конца понять цели. Такое впечатление, что никаких подробных планов для реализации составлено не было. По заявлениям правительства, через несколько месяцев нас могут проинформировать о планах «структурных реформ», после чего мы сможем разобраться в целях экономической политики. Но, какими бы они ни были, их реализация прошла весьма *грубо*.

У нас есть все причины беспокоиться за будущее страны.

Л. Синь

К ВОПРОСУ О «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ»

За 30 лет с начала реформ китайская экономика достигла среднегодового темпа роста 9,8% и теперь по общему объему занимает 2-е место в мире после США. Успех «китайской модели» вызывает ревность у развитых стран и зависть у развивающихся. Что такое китайское экономическое чудо, в чем причины его успеха и какие дальнейшие перспективы развития Китая? Эти вопросы занимают многих экономистов и политологов мира.

Дебаты

Газета *The Los Angeles Times* 11 сентября 2008 г. писала: «8 августа Россия и Китай заявляют одно и то же: мы вернулись... российская и китайская модели развития бросили вызов Западу... они и представляют разный политический строй ведущих потенциальных противников свободного капитализма в области идеологии». Через год *The Washington Post* отмечала, что когда западный мир испытывает трудности, а Китай переживает удивительный успех, в мире впервые после окончания «холодной войны» появляется отличная от американского свободного рынка и западной демократии модель развития, затмевающая американскую¹.

В последние годы в международном сообществе распространяются дискуссии о «пекинском консенсусе», «китайском подъеме», «китайской угрозе», «китайском крахе», «китайской модели» и т.д. Эти термины стали популярными в западном мире после того, как в ноябре 2003 г. председатель правления Китайского форума «Реформа и открытость» Чжэн Бицзянь на Боаоском азиатском форуме сделал доклад под названием «Новый путь мирного подъема Китая и будущее

Ли Синь – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики Шанхайской академии международных исследований (Китай).

¹ http://news.dayoo.com/world/200912/16/61965_100595715.htm